

Её путешествие пройдет гладко, и все её желания сбудутся.

***

Шум и суета ночной жизни Цюаньчжоу утихли. Порты, в которых днём кипела жизнь, теперь были погружены во мрак. Корабли и сампаны всех размеров, пришвартованные у береговой линии, колыхались и бесшумно покачивались на водной глади на небольших волнах, создаваемых легким ветерком. Чуть дальше, на носу нескольких рыбацких лодок, в тусклом ночном свете плясали отблески оранжевого пламени, а издалека доносился звук древнего маяка, который возвышался там на протяжении сотен лет, чтобы направлять людей, возвращающихся в тёмное время суток.

Однако некоторые моряки так и не вернулись после отплытия, оставив маяк в тщетном ожидании каждую ночь.

Цзя Фу опустилась на колени лицом к морю и, воскурив благовония, молилась в тишине. Очень долгое время она не хотела уходить. Она стояла на дамбе и смотрела в ту сторону, где на горизонте показался парус её отца, и в её сердце то нарастал, то затихал прилив.

В её прошлой жизни, после того как она вышла замуж за Пэй Сю Чжи, её дни были совсем не простыми. Как только она вошла в дом своего мужа, она с непоколебимым усердием служила старшим, прилагала все усилия, чтобы угодить пасынку, и не осмеливалась жаловаться мужу на свои обиды, и всё это для того, чтобы сохранить добродетель и великодушие, которые ей следовало бы проявлять.

В то время её главной целью было стать компетентной помощницей наследника, которую признавали бы её муж и его семья.

Позже она полностью посвятила себя Сяо Инь Тану. Осознав, что никогда не сможет вырваться из-под его власти, ей оставалось только научиться принимать это. Она убедила себя, что такая жизнь на самом деле не так уж плоха, поскольку он, в конце концов, действительно сделал для неё всё, что было в его силах. Если бы она посмела быть недовольной, её обвинили бы в неспособности отличить хорошее от плохого.

Но, умерев и ожив снова, она осознала, какой жалкой была тогда; какой жалкой, какой прискорбной.

С того самого дня, как она открыла глаза и поняла, что вернулась в этот мир из подземного дворца, она упрямо верила, что благословение и защита ушедшей души её отца вернули её к настоящему, к тому, что было до её замужества.

В этой жизни она никогда больше не выйдет замуж за Пэй Сю Чжи, не говоря уже о том, чтобы связать себя с Сяо Инь Таном.

Эти двое мужчин никогда не уставали признаваться ей в любви.

Но Пэй Сю Чжи с готовностью отдал её другому мужчине, потому что у него была какая-то скрытая печаль и обстоятельства вынудили его к этому. Во имя благосклонности Сяо Инь Тан превратил её в живого мертвеца, которого никто не мог видеть, в том числе и потому, что у него была какая-то скрытая печаль, и он был вынужден подчиниться обстоятельствам.

Она не испытывала к ним отвращения. В жизни действительно было много вещей, которые человек не мог осуществить сам. В этом отношении она была похожа на него. Но от них её пробирал озноб, какой-то холодок, который поднимался из самых глубоких уголков её мозга и крови.

В этом мире любовь мужчины к женщине никогда не простирается дальше этого. Она прекрасно это понимала.

Подставив лицо ночному бризу, слегка пахнущему морской водой, Цзя Фу глубоко вздохнула.

Она родилась и выросла в этом месте. Каждое теплое и прекрасное воспоминание, которое занимало её сознание, было тесно связано с её родным городом, который также назывался Личэн. Даже причал у неё под ногами в этот момент имел для неё особое значение.

Сегодня вечером, поскольку её рассудок был потрясён, она не смогла удержаться и вернулась на это место, чтобы ещё раз отдать дань уважения своему отцу.

Помолвка, соединившая две семьи, уже была предрешена, и семья Сун, которая теперь наслаждалась благосклонностью императора, вклинилась между ними. Несколько месяцев назад семья Сун специально отправила в Цюаньчжоу двух бабушек, которые также отправятся с ними завтра, чтобы дать ей образование, поскольку она была будущей мачехой из неблагополучной семьи. Достигнув этого момента, она не могла опрометчиво потребовать расторжения помолвки по собственному желанию.

Кроме того, даже если бы она это сделала, её бабушка ни за что не согласилась бы.

Она могла придумать только один способ.

На следующий день она уезжала на север и вступала на неизведанный путь своей новой жизни.

«Папа, если твоя душа на небесах, благослови и защити А'Фу».

.....

Чжан Да и его товарищ-слуга находились далеко позади. Глядя на спину молодой леди, стоявшей у причала, у него появились некоторые предположения. В конце концов, отец и дочь были очень привязаны друг к другу. На следующий день молодая леди собиралась отправиться на север, чтобы подготовиться к свадьбе, из чего он заключил, что приступ самоанализа привел её сюда, чтобы почтить память покойного господина. Тронутые до глубины души, они не осмелились побеспокоить её и сидели молча. Он перевел взгляд на Тань Сян и сделал ей знак глазами.

Тань Сян поняла. Она поплелась следом за Цзя Фу и мягко подтолкнула её:

- Юная леди, ночь глубокая и холодная. Как насчёт того, чтобы вернуться?

Цзя Фу, не говоря ни слова, повернулась всем телом. Следуя обычаю, она выбросила пепел от сожженных подношений и ароматических палочек в море, а затем вернулась обратно.

Чжан Да быстро отодвинул занавеску, прикрывавшую носилки. Когда Цзя Фу села в паланкин, Чжан Да взял фонарь и собрался было идти обратно, но как только он поднял голову, то заметил две неясные фигуры, приближающиеся с противоположной стороны и что-то несущие. Эти двое заметили, что на причале есть и другие люди, и, по-видимому, охваченные паникой, поспешно развернулись, чтобы бежать.

В лунном свете Чжан Да смог разглядеть, что двое мужчин ранее были слугами из семьи Цзинь, семьи, которая часто сражалась со своим собственным флотом.

Тысячи судов и сампанов заходили в порты Цюаньчжоу каждый день, но количество причалов было ограничено, и это часто приводило к конфликтам между судами, соперничавшими за выгодные места. Чтобы облегчить ввод и вывод собственного флота, некоторые предприятия, располагающие достаточными финансовыми ресурсами, платят высокие ставки Управлению морской торговли за аренду причалов, разрешая использовать их только для своего собственного флота или для предоставления в аренду другим лицам. Финансовые возможности семьи Чжэнь считались одними из первых или вторых в Цюаньчжоу, к тому же они были в хороших отношениях с властями, поэтому, естественно, приобрели частный причал в отличном месте.

Глубокой ночью слуги из семьи Цзинь, крадучись, как призраки, несли что-то со своего причала. Чжан Да затаил подозрения в своём сердце. Что-то прошептав Цзя Фу, сидевшей в паланкине, он внезапно бросился за ними. Его взгляд упал на свернутую в рулон рваную соломенную циновку, в которую было что-то засунуто, содержимое было неразборчиво. Он рывкнул:

- Стой! Что ты несёшь?

Двое слуг никак не ожидали, что причал господ семьи Чжэнь будет занят так поздно. Они развернулись, чтобы уйти, но их хватка на свёртке ослабла. Тёмная и неясная фигура, похожая на человека, выскользнула из-за края рулона и шлепнулась на землю.

Чжан Да воспользовался фонарем для освещения. В поле зрения попал мальчик тринадцати-четырнадцати лет, одетый в рваную одежду, чрезвычайно истощённый. Его глаза были закрыты, и он казался мёртвым.

Чжан Да круглый год курсировал по доку, отправляя корабли, так чего же он не видел? Он сразу всё понял. Придя в ярость, он догнал слуг, схватил одного из них, который был на грани бегства, и яростно рявкнул:

- Отлично! Оставлять труп посреди ночи - это само по себе плохо, но делать это на причале моего хозяина - ещё хуже. Следуйте за мной к чиновникам!

Морская торговля в Цюаньчжоу процветала, поэтому половина жителей города полагалась на море в том, что касалось питания на их столах. Зарабатывать на жизнь в океане было совершенно не так, как на суше, и это сопряжено с большим риском. По прошествии нескольких поколений постепенно сформировалось множество необъяснимых суеверий и табу. Например, одно из них - брошенный труп на причале, стало зловещим событием в глазах местных жителей. Духи, погибшие в воде от несправедливой смерти, не желали уходить и преследовали корабли, пришвартованные поблизости, принося несчастья судовладельцам.

Слуга прекрасно понимал, что уклониться от ответа невозможно, и Чжан Да кипел от ярости, ему не терпелось доложить чиновникам. Парализованный страхом, он рухнул на колени и яростно взмолился о пощаде. Он объяснил, что мальчик работал на верфи их хозяина и у него не было семьи. Несколько месяцев назад он сильно заболел и был на пороге смерти. Управляющий сообщил о случившемся господину Цзиню, который, в свою очередь, отказался сообщать об этом чиновникам. Долгое время завидуя семье Чжэнь, занимавшей лучший причал, он придумал план и приказал людям сбросить тело в море с причала семьи Чжэнь, воспользовавшись темнотой глубокой ночи. Когда все закончится, труп будет смыт приливом. Это не только полностью смоеет все следы, но и сохранит дух[1], и их семья будет освобождена от ответственности.

Бесчисленное множество людей собиралось на этом причале в Цюаньчжоу, чтобы заработать на жизнь. Хотя местные власти строго запрещали нанимать незарегистрированных граждан в частном порядке, это был всего лишь пустой звук. Верфи и доки предпочитали нанимать таких иностранных мигрантов из-за низкой заработной платы. Этот мальчик, должно быть, был одним из них, но, к сожалению, он заболел и умер.

Чжан Да, не желая расставаться с этим, усмехнулся:

- Ты действительно не боишься погубить все те добродетели, которые накопил для загробной

жизни! Иди! Давай посмотрим, что скажет твой хозяин, когда столкнется с официальным лицом!

Двое слуг были настолько подавлены, что, стоя на коленях, молили о пощаде, жалуясь, что они были вынуждены действовать и что это не имело к ним никакого отношения.

Цзя Фу заметила переполох и сошла с носилок, чтобы посмотреть.

Чжан Да увидел её и бросился к ней.

- Юная леди, не подходите! Это грязное место!

Зная о том, что мисс семьи Чжэнь тоже была там, слуги понимали, что, если их передадут чиновникам, мастер Цзинь ни за что не узнает об этом. В любом случае, им двоим не повезло, поэтому они повернулись к ней и попросили прощения, сопли и слезы одновременно текли по их лицам.

Цзя Фу нахмурила брови и взглянула на человека, лежащего на земле.

- Он не мертв! Я только что видела, как он слегка пошевелился! - внезапно воскликнула Тань Сян.

Чжан Да поспешно поднёс фонарь к его лицу. И в самом деле, веки мальчика несколько раз слегка дрогнули, пока не открылись сами собой.

Свет фонаря был тусклым, но его было достаточно, чтобы осветить пару глаз, в которых чёрное и белое резко контрастировали. Первоначально они, должно быть, были ясными и настороженными, но его болезнь, вероятно, была настолько серьезной, что теперь они казались подернутыми тонким слоем муслина, мрачными и тусклыми.

Мгновение спустя сознание мальчика, казалось, вернулось. Его взгляд постепенно сфокусировался и был прикован к плащу Цзя Фу, которая всё это время оставалась неподвижной.

Увидев это, слуга семьи Цзинь вздохнул с облегчением и тут же вскочил с земли. Один из них без разбора завернул мальчика в рваную соломенную циновку, в то время как другой крикнул:

- Сейчас мы отправим его обратно. А теперь уходим, уходим!

Рваная соломенная циновка закрывала лицо мальчика. Слуга поднял свернутую циновку и поспешил прочь.

Чжан Да понимал, что, хотя двое мужчин и отнесли мальчика в таком виде, они просто дождутся его смерти, прежде чем искать место, где можно было бы избавиться от его тела. Но это было слишком обыденным делом, и виной всему была плохая жизнь мальчика. Следовало ожидать, что у этих двоих ни в коем случае не хватит наглости повернуть назад и бросить труп на своем собственном причале; поэтому, полагая, что капитан отправится в путь завтра рано утром и что они уже раскрыли правду о случившемся, он пропустил это мимо ушей. Он повернулся и попросил Цзя Фу вернуться в паланкин.

Цзя Фу отступила на несколько шагов. Образ лица мальчика отвлек её от размышлений. В его глазах, когда он только что посмотрел на неё, был какой-то умоляющий блеск. Она не смогла удержаться и слегка остановилась.

Она узнала его, этот взгляд умирающего человека, стремящегося продолжать жить, и была глубоко тронута отчаянием и надеждой, как будто сама испытывала их. Это чувство она не могла понять яснее.

Она повернула голову, ещё раз посмотрела на спины этих людей, поколебалась и приказала:

- Дядя Чжан, оставьте этого ребенка на нашей верфи и пригласите врача, чтобы он осмотрел его. Было бы лучше, если бы ему оказали медицинскую помощь. Если он умрет, похороните его.

Охваченный благоговейным трепетом, Чжан Да сразу всё понял. Молодая леди прониклась состраданием и не могла видеть, как мальчик, ещё живой, ждёт смерти.

На верфи семьи Чжэнь было занято по меньшей мере несколько сотен человек, поэтому добавление ещё одного не вызывало беспокойства. Поскольку молодая леди заговорила, он, естественно, не стал ослушиваться. Он кивнул и похвалил:

- Молодая леди доброжелательна и добродетельна. Этот ничтожный сделает так, как вы велите.

После чего он отступил на несколько шагов, громко подозвал двух слуг и приказал им быстро доставить человека обратно на верфь семьи Чжэнь.

Всё, что нужно было сделать этим двум слугам, - это просто избавиться от тела, как приказал управляющий, но они совершенно не предполагали, что на полпути столкнутся с заминкой. Они мысленно проклинали свое невезение. Внезапно услышав, что Чжан Да готов взять на себя ответственность, они вздохнули с облегчением и с впечатляющей скоростью потащили человека обратно. Пока они обхаживали его с одной стороны, они, шаркая ногами, направились к верфи семьи Чжэнь с другой.

Чжан Да подозвал своих слуг, чтобы те последовали за ними и разобрались с этим делом, а сам проводил молодую леди обратно к семье Чжэнь.

В то время это было примерно в час крысы [2]. Цзя Фу навела справки в сторожке и узнала, что её старший брат Чжэнь Яо Тин ещё не вернулся.

Для её старшего брата не было ничего необычного в том, чтобы отсутствовать всю ночь, но они должны были уехать рано утром. Более того, Цзя Фу вспомнила, что в её прошлой жизни ничего подобного не случилось этой ночью. Даже его местонахождение было неизвестно. Её сердце было переполнено беспокойством, а разум – тревогой, и сон не шел к ней вторую половину ночи.

На рассвете следующего дня она встала рано, закончила умываться, привела себя в порядок и надела одежду, подходящую для путешествия. Она услышала шум шагов во дворе, и вскоре кто-то с грохотом распахнул дверь. Повернув голову, она увидела, что к ней подходит её старший брат, одетый в ту же одежду, что и вчера, что свидетельствовало о том, что он не возвращался всю ночь, и поздоровалась с ним. Она как раз собиралась спросить, куда он делся, но, в конце концов, увидела, как он одним ловким движением извлек из-за спины коробку. Он держал её обеими руками, словно заветная сокровище, и, переполненный радостью и ожиданием, прошептал:

- Сестра, угадай, что внутри коробки?

Цельная часть шкатулки была вырезана из агарового дерева и инкрустирована облачными раковинами и драгоценными камнями, изысканными и великолепными. Одна эта шкатулка стоила многого.

Цзя Фу бросила на неё взгляд и нахмурилась.

- Брат, где ты был прошлой ночью? Почему ты ничего не сказал? Мама очень волновалась!

Чжэнь Яо Тин махнул рукой.

- Я вернулся, не так ли? Я расскажу тебе позже! Быстро угадай!

Цзя Фу отказался подчиниться. Она отвернулась и проигнорировала его.

Потеряв терпение, Чжэнь Яо Тин сам открыл коробку и воскликнул:

- Фиолетовый жемчуг русалки! Это ожерелье из фиолетового жемчуга русалки! Я всю ночь гонялся за этим сокровищем, чтобы купить его для тебя!

Цзя Фу повернула голову и с недоумением осмотрела ожерелье в коробочке.

- Где ты его купил?

Охваченный восторгом, Чжэнь Яо Тин рассказал всю историю.

Как оказалось, вчера, когда он был с Чжан Да на пристани, он внезапно услышал, как люди говорили о купце Ху из Персии, у которого было ожерелье из фиолетового русалочьего жемчуга. Этот человек слышал, что все в Цюаньчжоу богаты, и поэтому отправился сюда в надежде продать его по высокой цене. Однако подходящего покупателя было трудно найти, поэтому он решил уехать в тот же день.

На следующий день его сестра отправлялась на север, чтобы выйти замуж. Однако через несколько дней после возвращения из храма Сишань она столкнулась с чем-то гнусным, что было сочтено несколько зловещим. Хотя Чжэнь Яо Тин часто с удовольствием гулял на улице, он также очень любил свою сестру. Он вспомнил, как их мать вчера отчитывала его, говоря, что его младшая сестра выходит замуж за члена семьи Пэй, и что, хотя это кажется впечатляющим, в будущем ему, вероятно, придется выполнять всевозможные трудные задания.

Когда она умоляла его хорошо учиться и усердно работать ради его младшей сестры, он подобострастно кивал головой, но на самом деле, как только повернулся к ней спиной, забыл о её мольбах. Как только он услышал три слова «пурпурная русалочья жемчужина», дополненные непрекращающейся болтовней людей о редкости этого сокровища, он сразу же подумал о том, чтобы купить его ей в подарок. Он расспросил окружающих о жилище перса и выяснил, что тот живет в переулке Фан[3], где останавливались иностранные торговцы, но, когда он поспешил туда, этого человека нигде не было видно. Наведя кое-какие справки, он узнал, что перс был настолько обескуражен отсутствием покупателей, что уже уехал в то утро.

Чжэнь Яо Тин всем сердцем желал заполучить ожерелье. Он разузнал, в каком направлении отправился перс, и выследил его. Прошлой ночью он, наконец, догнал перса на перевалочной станции для почтовых лошадей. Перс сначала отказывался продавать его, но чем больше он сопротивлялся, тем больше Чжэнь Яо Тин хотел его купить. Он предложил высокую цену и приставал к нему довольно долго. Наконец, ему удалось заставить перса отдать ему камень. Он схватил сокровище и в ту же ночь помчался обратно, но вернулся домой только сегодня утром. Несмотря на усталость, которую он чувствовал на протяжении всего путешествия, он первым делом поспешил к своей младшей сестре, чтобы подарить ей сокровище.

Цзя Фу была совершенно сбита с толку, она никак не ожидала, что её старшего брата не будет дома всю ночь по этой причине. Когда она осмотрела ожерелье и внимательно изучила нитку фиолетового жемчуга, она сразу поняла, что это подделка. В своей прошлой жизни, в императорском дворце, она видела фиолетовый жемчуг русалок, который иностранные послы преподносили императрице Чжан в качестве подарка.

Фиолетовый русалочий жемчуг был фиолетовым только по названию, на самом деле его оттенок был не фиолетовым, а розовым. Под воздействием солнечного света он становился темно-фиолетовым, поэтому и получил такое название. Поскольку он ценился как редкость, которую было трудно найти даже за тысячу золотых монет, после того как императрица приобрела его, она специально пригласила Цзя Фу к себе, чтобы оценить его, и сказала, что, если он ей понравится, он будет подарен ей.

Как могла Цзя Фу осмелиться желать этого? Она могла только склонить голову и тактично отказаться. Когда она вернулась к себе, воспоминания о собственном отце не давали ей покоя, и на какое-то время у неё заболело сердце, так что это произвело на неё глубокое впечатление.

- Позволь мне надеть его на тебя! Сестра, если у тебя есть фиолетовый русалочий жемчуг, твоя жизнь, несомненно, будет спокойной в ближайшие дни. Ты будешь жива и невредима, богата и почитаема! – радостно провозгласил Чжэнь Яо Тин, доставая ожерелье.

Каждая из этих жемчужин была размером с мизинец, идеально круглой формы, безупречной формы и редкого цвета. Ожерелье, несомненно, было прекрасным, но это был не фиолетовый русалочий жемчуг.

Цзя Фу знала, что её старший брат попал в ловушку перса. Увидев его усталое лицо и сверкающие от возбуждения глаза, она была невероятно тронута. Поначалу ей было невыносимо расстраивать его, но она напомнила ему, что он скоро унаследует имущество семьи Чжэнь. Если бы он всегда был таким бестолковым и доверчивым, она боялась бы, что однажды он понесёт убытки. Она запнулась, прежде чем сказать:

- Брат, тебя надули. Это не фиолетовый русалочий жемчуг. Я слышала, люди говорили, что пурпурная жемчужина русалки получила свое название потому, что она становится фиолетовой на солнце, а не потому, что она фиолетовая.

Чжэнь Яо Тин был поражён. Он уставился на ожерелье широко открытыми глазами, выражение его лица сильно исказилось, и он сердито выругался:

- Отлично! Этот ублюдок имел наглость лгать мне! Я отправлю кого-нибудь за ним в погоню прямо сейчас. Как только он будет пойман, я переломаю ему кости!

Он бросился отдавать распоряжения и вернулся, кипя от ярости. Он схватил ожерелье, швырнул его на землю и занес ногу, чтобы растоптать.

Цзя Фу поспешно преградила ему путь, подняла жемчуг и тихо произнесла:

- Брат, этот человек, должно быть, знал о твоей репутации. Вероятно, эти жемчужины было трудно продать, потому что их первоначальная цена была слишком высока. Этот человек намеренно заманил тебя к себе, и теперь он, должно быть, вне досягаемости. Брат, с моей точки зрения, это ожерелье олицетворяет твои добрые чувства. Хотя это и не русалочий жемчуг, он намного лучше настоящего. Ты покупаешь его и приносишь обратно – это тоже судьба. Но, брат, не забывай думать, прежде чем действовать, или сначала посоветуйся со стюардами. Ты не должен быть такими доверчивыми к другим, чтобы тебя снова не одурачили и не ввели в заблуждение.

Чжэнь Яо Тин изначально был полон злобы и хотел растоптать эту вещь, чтобы унять свой гнев, но, услышав, как Цзя Фу произносит такие фразы, его ярость сразу улеглась. Он погладил

её по голове и, озорно улыбнувшись, сказал:

- Я знаю. Я всегда помнил о бабушке и её уроках. В то время я очень спешил, опасаясь, что не успею подарить его тебе к твоей свадьбе, поэтому меня ненароком обманули. В будущем я обязательно буду уделять этому больше внимания.

Цзя Фу вспомнила последние слова, которые она услышала в своей прошлой жизни перед тем, как вдовствующая императрица приказала положить её в гроб. Она была уверена, что после её смерти конец её брата также должен был быть ужасным. В этой жизни она была непреклонна в своем намерении изменить судьбу. Она надела ожерелье на шею, подошла к зеркалу и осмотрела себя с его помощью. Она обернулась и сказала с жеманной улыбкой:

- Большое спасибо, брат. Мне оно очень нравится.

Мэн Ши узнала, что её сын не вернулся накануне вечером, чтобы купить ожерелье своей сестре, поэтому она лишь бросила несколько жалобных слов и оставила всё как есть. Все их вещи были погружены на корабль накануне. Ранним утром она взяла своих двоих детей попрощаться со старой мадам, а затем они отправились на пристань и поднялись на борт корабля.

За день до отъезда Тань Сян специально вручила бабушке Ван коробочку борнейской камфары. В ней было несколько десятков кусочков, что указывает на идиому, означающую «совершенная во всех отношениях»[4]. Она рассказала, что молодая леди приказала ей использовать их в качестве дополнения к косметике своей дочери. Бабушка Ван и представить себе не могла, что молодая леди примет её слова близко к сердцу. Приятно удивленная, она горячо поблагодарила её и наговорила ей множество комплиментов:

- Когда юная леди отправится в столицу, её путешествие наверняка пройдет гладко, и все её желания сбудутся. Как только она выйдет замуж за своего идеального партнера, она будет обладать богатством и почётом в жизни!

Примечания:

1 - Аналогия с тем, что у умерших есть другая функция, проявляющаяся по-другому (например, их останки все ещё остаются там, будь то в духовном плане или как нечто напоминающее врагу, что они всё ещё рядом). В данном случае, использование этого тела могло бы позволить властям обвинить семью Чжэнь, а не Цзинь.

2 - 子时 (цзы ши): 11 часов вечера - 1 час ночи (в системе двухчасового деления,

использовавшейся в прежние времена)

3 - Фан 番 - название переулка/улицы во времена династий Тан и Сун, где проживали иностранные торговцы в Гуанчжоу, Цюаньчжоу или Ханчжоу. Большинство жителей были арабами или персами.

4 - 十全十美 (ши куан ши мей): буквально «В десять раз совершеннее и в десять раз прекраснее», идиома, означающая - быть совершенной.

<http://tl.rulate.ru/book/79168/3968265>